ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

4

2011

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Много ли надо человеку? Особенно на старости лет. У автора свое мнение об этом…

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
НА СТАРОСТИ ЛЕТ

Нынче, считай всякий день, в пору послеобеденную, провожу я досуг с малолетним внуком Митей. Зимою — санки, снег, лед да сосульки. Потом — под крышу, в доме забавы, пока родители не придут с работы. Летом колготы много больше. «Бигом-бигом…» — командует малыш. Уже подрос он и бегает, словно заводной, устали не зная. «Бигом-бигом… Деда, за мной беги…» А у меня уже возраст немалый. «Догоняй меня, деда…» А еще игры — игры с мячом. Нехитрый, но футбол. А еще: «Колесо катать…» Словом, много всего. За три да четыре часа так упыхаешься, что дым идет. Порой думаешь: «Нет. Надо денек отдохнуть…» Но потом объявляются мысли иные: «Он ведь ждет. И с кем ему еще побегать?..» Ладно уж, поднатужимся. Мальчонке радость, а значит, и мне радость. Тоже дело немалое, на старости лет.

Летним утром на нешумном еще базаре встретил знакомую. Постояли, поговорили: кто — помер, а кто еще живой. Такие наши годы. Потом она спохватилась:

— Пряников забыла купить!

— На сладкое потянуло? — посмеялся я.

— Это — мужу. Он утром в три часа встает, пьет чай с пряниками — и на рыбалку.

— Значит, вы с рыбой.

— Мелочь ловит. Люди берут для кошек.

— Тоже дело, — похвалил я.

На том и расстались.

Но вспомнился другой человек и другой разговор. Но похожий.

Несколько лет назад приладился я летними вечерами ездить в затон, купаться. В поселке меж домами к вечеру душно. Вот и катишь на велосипеде к воде: искупаться, посидеть, продышаться. Там и встретил давнего знакомого. Он рыбачил на вечерней зорьке, ловил всякую мелочовку.

— Я и утром хожу, — рассказал он. — Тоже на зорьке. Ловлю… Люди берут. Для кошек и себе. На мясорубке прогоняют, делают котлеты. Потихоньку на хлеб зарабатываю. Пенсии сам знаешь какие.

Пенсиями нас и впрямь не балуют. Вот старые люди и добывают «копейку». Кто сторожует, кто в огороде, в саду

копается, а кому и Дон в подмогу. Вроде все привычно и просто. На первый взгляд… Та же рыбалка… Всякий день вставай и иди. Уже не охотка тебя поднимает, а забота. Какой-никакой, пусть престарелый, но мужик, а значит, добытчик.

— Утром рыбалю и вечером. А еще уткам набираю ряски. Они любят. Услышат, что я иду, сразу: кря-кря-кря… — Он похохатывает, довольный; старый человек, но живой.

— Зимой ставлю жерлицы, на щуку. Летом удочкой. Верхоплавка, ласкирики, красноперки. Жена отнесет, продаст. Вот и на хлеб… Летом, конечно, лучше. Утром идешь раночко. Тихо… Первыми птицы просыпаются, чирикают; потом — кошки, собаки, а потом — алкаши. — Это уже с усмешкой. — Оттуда да отсюда вылазят, страх божий. Тоже — на промысел. А на воде вовсе расхорошо. В камышах уточки крякают. Солнышко выходит. Тихая вода. Просто горит. Утром лучше клюет. Позатот день серушка хорошо брала, да крупная. Килограмма два поймал. Бабке говорю: «До пенсии — далеко. Будет у нас рыбная неделя». С деньгами подбились. Дочке пришлось помочь. Внучок приболел, а лекарства ныне — тыща, — объяснил он.

Пожилой мужик, морщинистый, седой, бывший хуторской тракторист да шофер. Крепкий еще, телом плотный, кубоватый.

— Я на хуторе любитель был порыбалить да на зайчиков по пороше побегать. Но там — некогда. А ныне вот довелось… — вздыхает он, радуясь ли, огорчаясь. Наверное, и то и другое. Но думаю, что радости все же больше: тихое утро, птичьи песни, алое небо… А еще — «дочке можно помочь». Это — тоже дело немалое, на старости лет.

Нынче июль выдался очень жарким. Я не выдержал, уехал к родным, на дачу, в края прохладные, на недельку-другую.

Дальнее Подмосковье, Волга, сосновый лес. Хорошо там дышится, до воды — два шага. Трижды в день купался, плавал: утром, в обед и вечером. Особенно хорошо по утрам. Прозрачная вода, желтый песочек, тишина, спокойные птичьи песни. Искупаешься, посидишь на скамеечке, поглядишь. Место красоты удивительной, если приглядеться. Синий и зеленый простор воды, земли, неба. А какие облака… Особенно по вечерам. Высокие, могучие, сияющие белью вершин. Огромный простор, немереный, завораживающий. Темная зелень лесов, светлая — цветущих лугов, прохлада воды.

Сидишь и сидишь, глядишь и глядишь, забыв о времени.

А как хорошо гуляется в сосновой ли роще, в поле да на речных высоких откосах, где нетронутые цветущие травы источают такой сладкий и терпкий дух, что голова кругом идет.

Родственник мой, хозяин дачи, по возрасту мне ровесник — семьдесят годков. На даче своей он бывает редко. Потому что, несмотря на годы, не оставляет работу. А значит, свободен лишь два дня в неделю. В пятницу вечером ли, утром — в субботу едет на дачу. Машина у него хорошая, но таких, как он, по летнему времени, в Москве — сотни тысяч, и потому в городе и по области дороги забиты. Не езда, а мука. А в день воскресный нужно уезжать к полудню, иначе будешь тащиться и в «пробках» стоять до ночи.

Вот и весь отдых в красивом месте, у реки и леса. А потом снова работа, с раннего утра: подъем в пять или ранее. Долгая дорога: два троллейбуса и метро, слава богу, что всего с одной пересадкой. Толкотня, духота, особенно в часы вечерние. А на работе — работа. Частые командировки: поезд, самолет, гостиницы, чужая еда, ненужные выпивки. Семьдесят лет — это возраст немалый, как ни хорохорься. Да еще куча всяких болезней. Утром да вечером — горсть таблеток да витаминов в подмогу. Родственнику моему, по общему мнению, повезло. В советское время он работал обычным инженером, в обычной, как говорится, «конторе». Но с приходом новых времен эта «контора» и должность оказались весьма прибыльными. Появилась большая зарплата и еще большие доходы «со стороны».

На хороших машинах можно ездить и часто менять их. Харчи покупать дорогие, на ценники не заглядывая. То же — в одежде: ею шкафы забиты. «Евро» и прочие ремонты. Мебель — на заказ, из Италии. Хорошие санатории, за рубежом и в России. Просто поездки, для интереса, в любые далекие края, куда захочет душа. Конечно, детям и внукам надежная подмога. Они подолгу учатся да выбирают свой путь, без особых забот, с отцовской, дедовой помощью. Все это — деньги, деньги и деньги. Потому о пенсионном, спокойном житье он и не помышляет. «Конечно, устал. Все надоело, — признается он. — Но…» И тут же всякие доводы. О детях: «Они уже взрослые и сами… Но толку пока мало. Надо помогать». О внуках: «Обещал ей поездку в Англию, надо язык подтянуть… И за этого надо платить. В общем…» Он не говорит о жене, которая заранее квохчет, когда речь заходит о пенсии: «Ой, что будем делать… Как будем жить?.. Тем более — кризис…» И о себе он молчит. Но ведь привык пусть не роскошно, но хорошо жить, недаром порой произносит: «Нет-нет… Только „люкс“, мы уже привыкли, только „СВ“, только „бизнес-класс“, только „пять звезд“» и т. д.

На пенсию никаких люксов, конечно, не получится. Это яснее ясного. Значит, тяни лямку дальше. Пока… Наверное, пока не рухнешь. И ведь были такие «звоночки». Из одной командировки

сын вывозил, из другой — сам еле выбрался. Старость, болезни — куда от них денешься…

За несколько дней до моего отъезда молодые привезли и сдали на руки бабке малую внучку. А сами на отдых укатили.

Девчушке полтора года, лепечет, все понимает — милое дитя. Своего родного деда — хозяина дачи — она видит редко, но, надевая нарядные резиновые сапожки или на маленький расписной стульчик усаживаясь, тычет пальчиком: «Де-да… Де-да…» Значит, купил да подарил заботливый дед.

В последние дни моего гостеванья обошел я округу, прощаясь. Погода стояла славная: не больно жаркое солнце, облака, от воды веет свежестью.

Каждый вечер, готовясь ко сну, мы гуляли вдвоем с малой девчушкой, рука об руку. Она все понимала. «Нюхай цветы, нюхай…» — говорил я, и она старательно, шумно нюхала граммофоны белых да розовых петуний. А всякий вечер вела меня за калитку, усаживалась на большой камень-валун и, похлопав ладошкой, приглашала садиться рядом с ней. Сидели молча. Приустали за долгий день, старый да малый. Вечер тихий, камень теплый, зелень вокруг и цветы. Прижималось ко мне горячее детское тельце, словно искало защиты в сумерках вечерних.

Неволею мне вспоминался хозяин дачи — родной дедушка малышки, который сейчас дремлет в душном вагоне метро, прибиваясь к отдыху, к пустому дому. Неволею вспоминал и вздыхал.

Господи, что надо нам в этом мире? Итальянская мебель, французские сыры, шелковые галстуки?..

Хлеба ломоть, кружку воды; и этот покой: тихий вечер, высокие розовые облака, детское тепло рядом. Тем более — на старости лет.